

Чешское миноритарное сообщество на сербско-румынском пограничье: языковая ситуация в селе Златица

Глеб Петрович Пилипенко

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-5422-0039

Отдел славянского языкознания Института славяноведения РАН
119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32А
Тел.: +7(495)938-17-80
E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Сергей Александрович Борисов

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
младший научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-2321-9983

Отдел славянского языкознания Института славяноведения РАН
119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32А
Тел.: +7(495)938-17-80
E-mail: s.borisov@inslav.ru

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № РНФ 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

DOI: 10.31168/2658-3356.2024.17

Аннотация. В статье обсуждается специфика языковой ситуации в банатском селе Златица, расположенном в Румынии, с акцентом на местную чешскую общину. Чехи в Златице не становились предметом изучения богемистов, несмотря на то что они составляют третью по численности группу населения. Целью исследования является определение места чешского языка в сфере повседневной коммуникации, а также в языковом ландшафте населенного пункта. На основе собственных полевых материалов авторы установили, что чехи в Златице полилингвальные: они владеют чешским языком, официальным румынским языком, а также серб-

ским, поскольку в самом селе присутствует значительная сербская община. В нарративах на чешском языке отмечаются случаи переключения кода и заимствования из румынского и сербского языков. В языковом ландшафте села (надписи на административных учреждениях, частный бизнес) чешский язык не представлен за исключением надписей на местном кладбище. Эпитафии отражают существующую полилингвальную ситуацию в Златице, в них фиксируются примеры одновременного взаимодействия трех языков: румынского, чешского и сербского. В перспективе планируется всестороннее изучение надгробных надписей кладбища Златицы.

Ключевые слова: *чешский язык, сербский язык, румынский язык, Банат, языковая ситуация, полевое исследование, языковые контакты, эпитафия, языковой ландшафт*

Ссылка для цитирования: *Пилипенко Г. П., Борисов С. А. Чешское миноритарное сообщество на сербско-румынском пограничье: языковая ситуация в селе Златица // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2024: Концепт границы в славянской и еврейской культурной традиции. С. 334–354. DOI: 10.31168/2658-3356.2024.17*

Хотя исследований по языку, истории и культуре чешского общества в Румынии существует немало, одна община все же остается без внимания специалистов по богемистике. Речь идет о селе Златица¹ (рум. Zlatița, серб. Zlatica, венг. Néraaranyos (досл. Нера золотая)), которое расположено в общине Сокол жудеца Караш-Северин (историческая область Банат) на пограничной с Сербией реке Нера. В отличие от большинства горных сел, в которых проживают чехи, Златица расположена на равнине. Особенность этноязыковой и конфессиональной ситуации села Златица заключается в том, что оно негомогенно: здесь проживают сербы, румыны, чехи и цыгане; по вероисповеданию они делятся на православных, католиков и пятидесятников. Согласно переписи 2002 г. румын насчитывалось 340 чел., сербов – 253, чехов 103 [Varga 2008, 97]. Чешские переселенцы прибыли в Златицу из горных банатских сел первичного расселения колонистов, судя по всему, после 1832 г., когда им

¹ Ударение в топониме падает на первый слог, однако в местных сербских диалектах фигурирует также форма с ударением на втором слоге.

было разрешено переселяться в другие населенные пункты в рамках политики Австрии по охране границ с Османской империей [Zsold, Lehel 2018, 56]. Если говорить о всей чешской общине страны, то в Златице проживает лишь незначительная ее часть. Так, по переписи 2011 г. в Румынии проживало 2 477 чехов, в основном в жудецах Караш-Северин (1 230 чел., 49,7%) и Мехидинци (321 чел., 13% от всех румынских чехов) [Populația după etnie]. Большинство из них признавало чешский язык в качестве родного (2 174 чел., или 87,8%) [Populația după limba maternă]. По сравнению с данными предыдущих переписей отчетливо прослеживается тенденция уменьшения численности чехов, чему способствуют общее старение населения, эмиграция из Румынии, а также процессы языковой и культурной ассимиляции (5 800 чел. в 1992 г., 3 938 чел. в 2002 г.).

Из работ по проблематике чешского миноритарного сообщества в Румынии можно выделить публикации лингвистов [Vrabie 1963; Ciplea 1963; Daneš 1982; Vyskočilová 2016], историков [Rozkoš 1996] и этнографов [Jech 1992; Gecse 2013]. Среди исследований лингвистов следует особо выделить деятельность С. Утешеного [Utěšený 1962; 1964], который в 1960-е гг. принимал участие в сборе материалов для Чешского языкового атласа, а также описал диалектные особенности чешских переселенческих говоров в Румынии. Колонисты прибывали из разных областей Чехии, поэтому, например, в идиоме жителей села Сфынта-Елена он отмечал преобладание черт центрально-чешских диалектов (напр., сохранение звонкости согласных в абсолютном конце слова (*dub, jed*), озвончение согласных перед гласными и одиночными звонкими согласными (*tag a tak, kouseg masa*), архаичное явление вставного *j* в случаях типа *lejží, bježžel, kajždej*; окончание *-om* в местн. пад. ед. ч. прилагательных (*f třícátom štvrtom roce*), инфинитивы типа *níst, utíct, píct*); в речи жителей Гырника, Бигэра, Эйбенталя и Бая-Ноуэ С. Утешены выделял черты западно-чешских диалектов, напр., закрытую артикуляцию гласных «ходского» типа: гласного *o*, приближение его произношения к *u* (*vujna, kipurvat*), закрытую артикуляцию дифтонгов *ou* (произношение близко к *ú: dlúhú < dlouhou*) и *ej* (произношение близко к *í: stíní < stejnej*); «ходское» произношение твердого *y*: *syn, bystrej*; наличие протетического *h* (*halmara*), переход *g > h* у местоимений типа *ňihdo*; долгое окончание *í* в им. пад. мн. ч. сущ. (*zlodějí, bratří*), окончание *-ách* в род. пад. мн. ч. сущ. (*s Čechách* ‘из Чехии’).

В отличие от чешских говоров в Златице местные сербские говоры изучены достаточно подробно. Так, косовско-ресавские диалекты Румынии М. Томич подразделяет на говоры Полядии (poljadijski govori) и говоры ущелья Дуная (pravi klisurski govori [Томић 1987, 311]). Говоры сел Златица, Базияш, Ланговет, Лесковица, Соколовац по этой классификации относятся к говорам региона Полядии (серб. Poljadija, название региона обусловлено тем, что здесь много полей и равнин вдоль реки Неры). Однако П. Ивич считал, что данные говоры относятся к смедеревско-вршацкому диалекту [Ивић 2009, 102]. Полядия и сербская община в этом регионе в последнее время становятся объектом изучения сербских исследователей. Здесь проводились экспедиции, в частности Института балканистики Сербской академии наук и искусств. Изучались нарративы о границе [Сикимић 2020], традиционная духовная культура (обряды календарного и семейного циклов) [Богдановић 2020; Ђорђевић Белић 2020; Ивановић Баришић 2020], лингвистические (фонетические и просодические) особенности сербского говора [Лончар Раичевић 2020; Судимац 2020].

В сентябре 2019 г. в румынском Банате проводили исследование сотрудники Института славяноведения РАН Г. П. Пилипенко и С. А. Борисов. Были обследованы села с чешским населением (Эйбенталь, Шумица, Сфынта-Елена), работа также проходила в селе Златица, где были записаны интервью как с чехами, так и с местными сербами. Полуструктурированные интервью проводились на чешском, сербском, частично – на румынском языках на темы историй переселения, традиционной материальной и духовной культуры, языковой ситуации (подробнее см. [Борисов 2021]). Кроме того, были задокументированы надписи на надгробиях в перечисленных селах, языковой ландшафт. В распоряжении авторов имеются также аудиоматериалы (интервью с сербской общиной) и фотографии экспедиции Института балканистики Сербской академии наук и искусств, которая проходила в Златице в июне 2019 г.² Результаты нашего исследования в Златице нашли отражение в публикациях [Борисов, Пилипенко 2020; 2021а; 2021б]. Цель настоящей работы – охарактеризовать специфику языковой ситуации в

² Авторы выражают благодарность за предоставленные материалы д-ру Биляне Сикимић.

Златице в коммуникативной сфере и в языковом ландшафте (в том числе – мемориальном).

Сами информанты характеризуют использование языков в селе Златица следующим образом:

1	Toto dřiv bila řeska ve- srpska vesnice tadi bila ve Zlatiце mislim voňi jak ti bili řeťi sem parxanti jak se povida to mislim hodňe mluvi srpski i se mluvilo srpski po vesnici pořad jenom doma sme ućeli jako bi ućeli mi videli řeski nebo diř deme do kostela nebo kad je meni lepřiř mluvit srpski neř co řeski ³	Это раньше было чешское се-, сербское село здесь было в Златице, я имею в виду, они, дети, здесь были, сорванцы, как говорят, я имею в виду, что много говорили по-сербски. И говорили по-сербски в селе все время, только дома мы учили, как бы учили, мы знали чешский или когда идем в церковь или... Но мне легче говорить по-сербски, чем по-чешски (чех, 60 лет).
---	--	---

Поскольку в селе сербов всегда было больше, чем чехов, дети выучивали сербский в общении с ровесниками, с соседями. По свидетельствам информантов, в Златице существует так наз. *pemski sokak* (серб. «чешская улица»), однако жизнь на ней не проходила изолированно. Чешский язык оставался языком общения в семье, а за пределами внутрисемейной сферы коммуникации использовались сербский и румынский языки. По оценке информанта в (1), ему даже проще говорить на сербском, чем на чешском, по всей видимости, по причине более частого использования сербского по сравнению с чешским. Румынским языком все наши информанты владеют активно. В речи старшего поколения заметно влияние банатского диалекта румынского языка. Поскольку румынский является официальным, он изучается в школе, его знание требуется при приеме на работу. В нашем корпусе интервью имеются записи, где происходит переключение кода с чешского языка на румынский. В основном это происходит при ориентации на собеседника, в зависимости от языка общения. Подобная стратегия отмечалась в случае сербско-албанского билингвизма [Морозова 2018, 57]. Ниже приведем пример переключения кода в рамках одного высказывания.

³ Для записи нарративов на чешском языке используется упрощенная транскрипция. Глухой велярный спирант обозначен символом *x*. В скобках даются нечетко произнесенные звуки. Отрывки на румынском и сербском языке приводятся латиницей также в упрощенной транскрипции либо в стандартной орфографии этих языков.

2	Ta paňi, ta vam toho nejvic, vona ma i takhle velki kniřki pořadni, a vo řhex veřniřix a vo řhem vam řekne, <i>deci spitalul, este drumul ři peste drum este un bloc, deci nu intra(ři) řn asta, urcări niře scări ři imediat, řntrebaři, este acolo un chiořc, ři řntrebaři doamn-</i> (имя), <i>toata lume-</i> , <i>e orař micuř Moldova</i> , je malinka, a vama vam potom řeknou.	Эта госпожа, она вам об этом больше всего [расскажет], у нее есть вот такие большие книжки серьезные, и о всех деревнях и обо всем вам расскажет, (рум.): итак, больница, дорога, и через дорогу находится жилой дом, но вы не входите внутрь, поднимаетесь по ступенькам и тут спрашиваете, там есть киоск, и спрашиваете госпожу (имя), все знают, маленький город Молдова-[Ноуэ], (чеш.): маленькая, и вам потом скажут (чешка, 60 лет).
---	--	---

Здесь переход с чешского на румынский язык осуществляется на дискурсивном маркере *deci* (рум. ‘то есть’), когда собеседница обращается ко второму исследователю, с которым говорила до этого по-румынски; возвращение к чешскому происходит на топониме Молдова (город Молдова-Ноуэ), общем элементе для двух контактирующих языков. Вероятно, именно по этой причине и происходит переключение кода, а румынская вставка оказывается обрاملенной чешскими высказываниями.

Сербизмы также используются в чешских высказываниях жителей Златицы. Примечательно, что они заимствуются в чешский язык в том виде, в каком они функционируют в сербских говорах румынского Баната. В примере (3) в лексеме *karije* ударение падает на второй слог, тогда как литературной норме соответствует постановка ударения на первый слог.

3	A tuto přide (tu)ten ten <i>karije</i> mi pame <i>karije to</i> (серб. <i>kàrija</i> – ‘ворота’).	А это будут эти вот, ворота. Мы говорим, ворота (чех, 60 лет).
---	--	--

Кроме того, в нарративе информантов могут использоваться одновременно три языка: чешский, сербский и румынский.

4	Kizis (sic!) vosumset dvacatom řestom řiřko jak to mi pame tisíc vosumset dvacatom řestom jak to vi rozumite <i>o mie nouă sute două řase- o mie opt sute două řase</i> je iljadu osamsto dvajset řeste jak povi srbiři rozumiř srpski	[V] тысяча восемьсот двадцать шестом. Как мы сейчас говорим, [v] тысяча восемьсот двадцать шестом, вы понимаете, (рум.): тысяча девятьсот два шесть-, тысяча восемьсот два шесть, (серб.): это [v] тысяча восемьсот двадцать шестом, (чеш.): как говорят сербы, ты понимаешь по-сербски? (чех, 60 лет).
---	---	---

Информант говорит об истории переселения чехов в Банат и упоминает дату, 1826 год. Чтобы убедиться, правильно ли его поняли, он обращается к исследователям и повторяет дату сначала по-румынски, затем по-сербски. Внутри румынского высказывания информант производит автокоррекцию из-за оговорки. Сам повтор важен в контексте всего повествования, автор акцентирует внимание на значимой части своего высказывания – конкретной дате. При этом распределение языков также следует логике, описанной выше применительно к третьему примеру: языки используются в зависимости от собеседника.

При активном билингвизме и полилингвизме, которые мы наблюдали в общении с жителями села, языковой ландшафт Златицы не демонстрирует такого же многообразия. Все надписи в общественном пространстве сделаны на румынском языке. Приведем некоторые примеры.

5	Ministerul educatiei nationale / Grădinița cu program normal / Zlățița / Caras-Severin ⁴ (sic!)	Министерство национального образования / Детский сад со стандартной программой / Златица / Караш-Северин
6	PRIMĂRIA COMUNEI SOCOL / STAȚIE DE AUTOBUZ / ZLATIȚA	Администрация общины Сокол / Автобусная остановка / Златица
7	BISERICA / PENTECOSTALA / BETANIA	Церковь / Пятидесятников / Бетания (Вифания)
8	ORAR / LUNI 08.00-14.00 / MARTI – SAMBATA 08.00-12.00 / 17.00-21.00 / DUMINICA INCHIS / IMPERIAL ZLATITA	Расписание / Понедельник 08.00-14.00 / Вторник – Суббота 08.00-12.00 / 17.00-21.00 / Воскресенье закрыто / Империял Златица
9	Casă / de vânzare / tel. 07...	Дом / на продажу / тел. 07...
10	Apa nu este / bună de băut!	Вода не для питья!

Надписи сделаны на здании детского сада (5), автобусной остановки (6), церкви (7), магазина (8), частного дома (9), на общественном колодце (10). Они иллюстрируют использование языка в официальной административной сфере общественных учреждений, в конфессиональной среде протестантской церкви, в сфере торговли, а также в рекламе (о продаже дома). Следует отметить, что не во всех случаях сохраняется румынская диакритика (что

⁴ Надписи приводятся в оригинальном написании. Косой чертой (/) передается начало новой строки, знаком вопроса (?) – неразборчивое прочтение.

весьма распространено в Румынии). Так, даже в пределах одной вывески слова могут быть написаны как с диакритикой, так и без нее: в (5) видим с диакритикой *Zlațița*, но *Caras-Severin* вместо *Caraș-Severin*; *educatiei* вместо *educației*. Надпись (8) полностью выполнена без соответствующих диакритических знаков румынской орфографии.

Двуязычные надписи обнаружены следующие:

11	Zlațița / Златица	Златица
12	Mănăstirea Zlațița / Манастир Златица	Монастырь Златица
13	Biserica sârbească Cusici / “Nașterea Prea Sfintei / Născătoare de Dumnezeu” / Serbian Church Cusici / “Nativity of the Most Holy / Mother of God / Sat Zlațița / Comuna Socol – 1556	Сербская церковь Кусич / Рождества Пресвятой / Богородицы / Село Златица / Община Сокол - 1556

В (11) и (12) видим двуязычные румынско-сербские надписи на дорожных указателях. Табличка (11) информирует о въезде/выезде из села, табличка (12) указывает направление к сербскому монастырю. В обоих случаях речь идет о редких примерах в языковом ландшафте села, когда используется сербский язык. Пример (13) – табличка на сербской церкви – сообщает название церкви на румынском и английском языках. Соотношение языков при этом неполное, указание села Златица и его принадлежность к общине Сокол не переводится на английский. Появление английского языка скорее исключение из общей картины – церковь как памятник истории и культуры, судя по всему, внесена в соответствующие реестры Европейского союза. Странным здесь является отсутствие надписи на сербском языке, тем более что сама церковь Кусич принадлежит Сербской православной церкви.

Одним из значимых символов видимого присутствия сербского языка в общественном пространстве являются надписи на домах (обычно над воротами), выполненные сербской кириллицей. Сопровождающей румынской надписи в таких случаях отмечено не было. Как правило, надпись состоит из года строительства дома и имени и фамилии (либо инициалов) владельца, при котором построен дом. В таблице представлены примеры подобных надписей, которые встречаются на главной улице села:

14	19 МИТА ПРЕДА 45
15	ДУШАН ЖИГУМ 1935
16	ВУЛПИН 19 * 58 БРАЛЕ
17	1946ГЛАЗА МИЛЕНКОВИЋ
18	П * ЖИВКО
19	Ж 1971 М
20	С 1969 П
21	К1970Ж
22	Ш1957М
23	В1962Ж

Надписи с (14) по (17) демонстрируют полное указание имени и фамилии, в (18) отсутствует год постройки дома. Надпись (16) выделяется среди прочих, поскольку в ней фамилия ВУЛПИН предшествует имени. В (17) пример после года следует написание ГЛАЗА, что следует читать как ГОСПОДИН ЛАЗА. С (19) по (23) видим образцы надписей с инициалами: сказать, какой из них обозначает имя, а какой – фамилию, не представляется возможным без интервью с жителями конкретного дома. Подобных надписей на чешской или румынской латинице нами обнаружено не было.

Еще одним примером сербского присутствия являются надписи на крестах⁵. Они также сделаны на кириллице. Румынского перевода они не предполагают.

24	ПОДИГОШЕ РОДУ / ВИДЕЛО КРСТА ДА СЕ КРСТИ / ДУХОМ СВЕТИМ / КРСТОМ С / ТРИ ПРСТА / ИВАНА И АЛЕКСАНДРА	Воздвигли для рода этот крест, чтобы креститься святым духом крестом тремя пальцами, Ивана и Александра
25	СЕИ КРЕСТ ПРИ / ЛОЖИГ. ИСОСИФЪ / СИМОНОВИЧ / КОПЕБЪ ЗЛАТИЋ / КИ НСВТЕТЕ / ЕГО ЕЛЕНЕ Б ЗА / ВЕ- ТИГ ФАМ ЕГО / ВЪ ЗАШИКОН ИЖЕ	Этот крест поставил господин Иосиф Симонович ??? златицкий невесте его Елене и ??? семье его ???

Обычно эти кресты стоят по обочинам дорог. Надпись (24) сделана на стандартном сербском языке, тогда как (25) очевидно является старой по времени исполнения. Здесь отчетливо прослеживаются следы реставрации: черной краской по белому камню выведе-

⁵ Авторы выражают благодарность д-ру Биляне Сикимич за помощь при интерпретации данных надписей.

ны буквы. Ее дешифровка представляет затруднения, поскольку буквы не всегда адекватно восстановлены (ср. НСВТЕТЕ – НЕВЕ-СТЕ). Кроме того, язык данной надписи архаичный, можно предположить, что это славяносербский язык, бытовавший у сербов до середины XIX века.

Наиболее показательным местом в плане отражения языковой и этнической ситуации в селе Златица является сельское кладбище, которое находится на окраине села по направлению к монастырю Златице и следующему населенному пункту Пырняура (рум. Rârneaura, серб. Прњавор). На кладбище можно найти памятники с эпитафиями на румынском, сербском и чешском языках. Чешские захоронения расположены компактно. Кладбище является единственным местом, где можно встретить надписи на чешском языке в селе Златица⁶ и составить наиболее полное представление о языковой ситуации среди его жителей. Многие надписи сделаны на белом камне белыми буквами, что сильно затрудняет их прочтение. Также проблематично дешифровать надписи на старых полуразрушенных надгробиях. Однако большинство все же читается. В распоряжении авторов имеется около 400 фотографий, сделанных ими в сентябре 2019 г., а также Биляной Сикимич в июне 2019 г. В рамках настоящей публикации мы не ставим себе цель полноценно проанализировать лингвистические особенности надгробных надписей, здесь мы сосредоточимся на общей характеристике эпитафий, в особенности тех, которые отражают специфику контактирования всех обсуждаемых языков.

26	ОВДЕ ЛЕЖИ / ПЕТКОВИЋ / САВА / РОЂ. 1937 – УМ. 1989 / И / СУПРУГА СМИЛЕА / РОЂ. 1945 – УМ. / СПОМЕН ПОДИЖЕ / син ЖИВА / Ђерке ЗЛАТА / и МИЛИЦА	(Здесь лежит / Петкович / Сава / род. 1937 – ум. 1989 / и / супруга Смиля / род. 1945 – ум. / Памятник возводит / сын Жива / дочери Злата / и Милица)
27	РЕТКОВИЋИ / ДЕЈАН / 2001-2001 / ЈИВИЦА / -ЈИВА- / 1966 – 2014 / Spomen podiju sestree / Zlata i Milića sa porodićama	(Петкович / Деян / 2001-2001 / Живица / -Жива- ⁷ / 1966-2014 / Памятник возводят сестры / Злата и Милица с семьями)

⁶ Надпись на римско-католической церкви Златицы также сделана на румынском языке.

⁷ Подобным образом оформляются прозвища покойного (выделяются с двух сторон дефисами или тильдами).

28	PETCOVICI / SAVA / 1937-1989 / SMILIA / 1945-2014 / Spomen podiju cerche / Zlata i Milića sa porodićama	(Петкович / Сава / 1937-1989 / Смилля / 1945-2014 / Памятник возводят дочери / Злата и Милица с семьями)
----	--	--

Интерес представляют семейные захоронения, где на примере надгробий, принадлежащих разным поколениям, можно проследить процесс ассимиляции. Все представленные надписи (26), (27), (28) относятся к захоронению одной семьи. Первый памятник установлен после смерти Савы Петковича, эпитафия выполнена на сербском языке, кириллицей. Однако памятники, поставленные уже в 2000-х гг. сделаны на румынской латинице, но на сербском языке. Так, специфические сербские звуки переданы средствами румынской графики: *j – i* (*Deian* – Деян ‘Деян’), *ж – j* (*podiju* – подижу ‘возводят’), *ц – ț* (*porodićama* – породицама ‘семьями’), *ћ – ci*, *к – c* (*Petcovici* – Петковић ‘Петкович’); сочетания *ће – ce*, *ке – che* (*cerche* – ћерке ‘дочери’). Однако в (26) встречаем пример сербской кириллической надписи, на которую могла повлиять румынская орфография: вместо написания сербского имени *Смильа* (которое в такой форме встречается на других надгробиях), мы находим *Смилеа*, что соответствует румынской передаче конечного сочетания – *lea*: *Smilea*. Примечательно, что в надписи на румынской латинице (28) это имя оформлено не по правилам румынской орфографии, ее исполнители выбирают третий вариант – *Smilia*. Выбор румынской латиницы для записи сербского языка необычен, таких примеров мы встретили единицы. Однако они примечательны в том отношении, что отражают постепенную ассимиляцию следующих поколений, которые могут не владеть стандартной сербской графикой, а записывать так, как они умеют. В других случаях ассимиляция проявляется через использование надписи на румынском языке, что свидетельствует о более продвинутой стадии ассимиляции, когда уходит сам язык.

Следующие примеры также иллюстрируют использование сербской кириллицы и румынской латиницы для записи сербского языка в пределах единого семейного захоронения на некоторой временной дистанции. Более ранний памятник (29), установленный в 1989 г., – на сербской кириллице. Вторая эпитафия (30) – на румынской латинице. Примечательно, что вводная сербская формула здесь приводится в сокращенном виде: *ov.lej* – овде лежи ‘здесь ле-

жит'. Здесь мы также видим передачу специфических сербских букв и сочетаний средствами румынского алфавита: ш – ș (*Miloș* – Милош 'Милош'), ђа – *gia* (*Slagian* – Слађан 'Сладжян').

29	Овде леже / ОМЕР / МАРТИНОВИЋ / РОЂ 1970 г УМ 1985 г / отац МИЛОШ / РОЂ 1943 г УМ / мајка ЖИВКА / РОЂ 1950г УМ / СПОМЕН ПОДИЖЕ ОТАЦ И МАЈКА / 1989г	Здесь лежит / Омер / Мартинович / род. 1970 г. ум. 1985 г. / отец Милош / род. 1943 г. ум. / мать Живка / род. 1950 г. ум. / памятник воздвигает отец и мать / 1989 г.
30	OVLEJ. / FM. MARTINOVICI / MILOȘ 1943 - 20 / JIVCA 1950 - 2010 / OMER 1970 - 1985 / SLAGIAN 1973 - 1992 / JIVOSLAV 1984 - 2004	Здесь лежит / семья Мартинович / Милош 1943 – 20 / Живка 1950 – 2010 / Омер 1970 – 1985 / Сладжян 1973 – 1992 / Живослав 1984 - 2004

Надписей на сербской латинице немного по сравнению с кириллическими эпитафиями. Отметим, что в таких случаях антропонимы могут записываться с ориентацией на румынскую графику: *CORNEA IELENA* (31). Показательно, что надпись также относится к современным, создана в 2010-х гг.

31	<i>CORNEA IELENA / 1947 – 2013 / Spomen podižu sin Rada / i ćerka Ružica sa / porodicama</i>	Корня Елена / 1947-2013 / Памятник возводят сын Рада / и дочь Ружица с / семьями
----	--	--

Фамильное захоронение (32) является примером оформления надписи на румынском языке у сербов. Обратим внимание на написание существительного м.р. с определенным артиклем *NEPOTU* без конечного *L* (ср. также (39)), что может свидетельствовать об отражении особенностей разговорной формы румынского языка на письме.

32	<i>AICI ODIHNEȘTE / fam. MILECOVICI / VUKAȘIN / 195? 2002 / L?NA / 1955 - / RIDICATĂ DE SOȚIA, MAMA / ȘI NEPOTU</i>	Здесь покоится / семья Милекович / Вукашин / 195? 2002 / Л?на / 1955 - / Воздвигнут (памятник) супругой, мамой / и внуком
----	---	---

Среди чешских захоронений в Златице нам не встретилось ни одного примера, в котором эпитафия была бы записана целиком по-чешски средствами румынской орфографии. Однако в подавляющем большинстве случаев в таких надписях присутствуют «вкрапления», часто непоследовательные, румынской графики. В (33)

видим замены, аналогичные тем, что встречались в сербских эпитафиях: *č – ci*, *k – c* (*Štepnica – Štepnicka* ‘Штепничка’), *j – i* (*Iozef – Josef* ‘Йозеф’, *pozvihiue – poz(d)vihuje* ‘возводит’, *nezapomenutei – nezapomenutej* ‘не забытый’). В (34) румынский *j* формально стоит на месте чешского *ř* (ср. *zemřelý* ‘умерший’), однако появление этой буквы, вероятно, связано с тем, что на синхронном уровне произношение *ř* упростилось до [ž]. В (35) отсутствует диакритика, поэтому написание VATLAV следует трактовать как VATṬLAV, то есть речь идет о соответствии *ṭ (t) – c*.

33	ZDE ODP(OCIVA) / ŠTEPNICICA IOZEF / nar 1920 zem 1986 / ŠTEPNICICA ŠTEFI / nar 1923 zem / POMNIK PO(Z)VIHUIE / MANŽELKA ŠTEFI, / CERA SOFI, Z(E)T VENA / NEZAPOME(N)UTEI	Здесь покоится / Штепничка Йозеф / род. 1920 ум. 1986 / Штепничка Ште- фи / род. 1923 ум. / Памятник воздвигает / супруга Штефи, / дочь Софи, зять Вена / не забытый
34	ZEMJELI / TIZLER CADEL / 1909- 1991 / ПЕНО / MANZELKA / ANCA / 1917-1982	Умерший / Тизлер (Тишлер?) Кадел (?) / 1909-1991 / и его / супруга / Анка / 1917-1982
35	TADI OTPOCIVA / BOUDA VATLAV / NAR 1914 ZEM 1993 / POZVIHUIE POMNIC / BOUDA JOZEFINA / NAR 1921 / TERI NEZAPOMINA !	Здесь покоится / Боуда Вацлав / род. 1914 ум. 1993 / Возводит памятник / Боуда Йозефина / род. 1921 / который- (ая?) не забывает!

В эпитафиях на чешском языке также могут проявляться черты контакта с сербским языком. Так в (36) написание *všihni* вместо *všichni* свидетельствует о замене чешского диграфа *ch*, который обозначает звук [x], на букву *h*, обозначающую как в сербском, так и в румынском языке также [x]. При этом интервью с информантами в Златице и других зонах контактирования чешского языка с сербским (напр., в чешских сообществах в Сербии, Боснии и Герцеговине, Хорватии) показали, что звонкий фрикативный [h] (обозначается в чешской орфографии буквой *h*) в чешских именах и фамилиях под влиянием сербского языка, где данный звук отсутствует, начинает в произношении заменяться на [x]. Поэтому вполне вероятно, что зафиксированная в (36) фамилия *Stehlík* произносится как [stexlík], но еще более эксплицитно такая замена выражена в кириллической записи (37): *Кулхави* (ср. чеш. *Kulhavý*). Надпись (37) является единственным обнаруженным образцом записи чешских фамилии и имени кириллицей.

36	ZDE ODPOCIVA / STEHLIK / IOJI i KATERINA / NAR-1945 NAR-1946 / ZEM ____ ZEM-2007 // SPOMNIK POZVIHUIOU / VŠIHNI DETI I NOUČATA / NIHDA NAVAS NE ZAPOMINAME	Здесь покоится / Стехлик / Йожи и Катерина / род-1945 род-1946 / ум. ____ ум.-2007 // Памятник воздвигают / все дети и внуки / мы никогда вас не забываем
37	Овде лежи / КУЛХАВИ ВЕНА / рођ. 1942 – умр. 1997 / поживео 55 год / и // Супруга ВЕРА / рођ. 1944 – умр. / спомен подижу / син ТОНИ и / ћерка МАРА	Здесь лежит / Кулхави Вена / род. 1942 – ум. 1997 / прожил 55 лет / и // супруга Вера / род. 1944 – ум. / памятник воздвигают / сын Тони и / дочь Мара

Приведем примеры чешских эпитафий, сделанных на румынском языке. Чешские антропонимы в таких случаях записаны с последовательным использованием румынской графики. В отличие от примера (34) в (38) исходное ř в фамилии *Crepelka* (ср. чеш. Křepelka) заменено на r. Вся надпись выполнена без диакритики, поэтому по ней нельзя однозначно определить, как члены семьи, воздвигшие памятник, читают эту фамилию, однако данный румынский памятник – новый, рядом с ним установлен более старый на чешском языке, где та же фамилия передана как *Krepelka*, что позволяет с большей уверенностью предполагать произношение [r] на месте [ř]. Диакритика также отсутствует в примере (39), однако чтение инициального š восстанавливается по примеру (33), в связи с которым также обсуждалось использование румынского сочетания *ci* для передачи звука [č]. В (40) помимо обсуждавшихся выше сочетаний видим сочетание *ti*, обозначающее [c] в конце слова. Кроме того, в (39) мы видим написание румынского существительного м.р. с определенным артиклем ROBU без конечного L (ср. с (34)), на что могла повлиять его позиция по отношению к последующему элементу в надписи LUI, который начинается с того же согласного.

38	CREPELCA / VENTEL SI BARBORA / 1938 - 1937- / MONUMENTUL RIDICAT DE / FIUL IARCI ⁸ NORA DANA	Крепелка / Венцель и Барбора / 1938 - 1937 - / Памятник воздвигнут / сыном Ярком, Норой, Даной
39	AICI ODIHNESTE / ROBU LUI D-ZEU / DEC 22 VII 1990 / STEPNICIKA / INGA	Здесь покоится / Раб божий / декабрь 22 VII 1990 / Штепничка / Инга

⁸ На более старом памятнике, где надпись выполнена по-чешски, это имя передано как IARCO.

40	STEHLCI FRANȚI / N 1987 D 2010 / RIDICATĂ DE / FAMILIE	Стехлик Франц / род. 1987 ум. 2010 / воздвигнут / семьей
----	--	--

Заключение

Языковая ситуация в селе Златице в приложении к чешской общине является до сих пор неизученной. Очевидно, что она полилингвальна. Чехи владеют чешским, румынским и сербским языками. По данным наших интервью, некоторые сербы, которые проживали по соседству с чехами, также могли усваивать чешский язык. Однако в общественном пространстве, в языковом ландшафте села чешский язык не присутствует, так что по этому показателю сделать вывод о присутствии чешской общины в селе не представляется возможным. Исключением являются эпитафии на сельском кладбище, которые постепенно вытесняются новейшими надписями на румынском языке. Сербский язык гораздо активнее используется в языковом ландшафте, в частности, в надписях на домах, а также на некоторых дорожных указателях. Однако все административные надписи выполнены на румынском языке. В перспективе авторы планируют проанализировать все встретившиеся сербские и чешские эпитафии с точки зрения их диалектной и контактной специфики, а также опубликовать полноценные расшифровки записей с информантами, которые содержат случаи переключения кода и заимствования.

Литература

- Богдановић 2020 – *Богдановић Б.* Обичаји животног циклуса код Срба у Румунији: свадба у селима Пољадије // *Исходишта*. 2020. 6. С. 27–38. DOI: 10.46630/ish.6.2020.3.
- Борисов 2021 – *Борисов С. А.* Чешский язык и традиционная культура в полиэтничном окружении (результаты полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // *Славянский альманах*. 2021. № 1–2. С. 290–309. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.02
- Борисов, Пилипенко 2020 – *Борисов С. А., Пилипенко Г. П.* Чешско-сербско-румынские языковые контакты в румынском Банате на материале полевого исследования // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 459. С. 15–26. DOI: 10.17223/15617793/459/2

- Борисов, Пилипенко 2021a – *Борисов С. А., Пилипенко Г. П.* Чешско-румынские языковые контакты в румынском Банате (на примере данных полевого исследования) // *Slavica Slovaca*. 2021. № 56 (1). С. 55–68. DOI: 10.31577/SlavSlov.2021.1.6
- Борисов, Пилипенко 2021б – *Борисов С. А., Пилипенко Г. П.* Рeмi/Рeмci в румынско-сербском окружении: село Златица в Банате // *Стратегии межбалканской коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание / отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарецев, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН: Индрик, 2021. (Балканские чтения. 16). С. 49–53. DOI: 10.31168/2618-8597.2021.16.07*
- Ђорђевић Белић 2020 – *Ђорђевић Белић С.* (Ре)семантизација Богојављења на Нери у контексту перцепције пограничја // *Исходишта*. 2020. 6. С. 61–91. DOI: 10.46630/ish.6.2020.6
- Ивановић Баришић 2020 – *Ивановић Баришић М.* Божић код Срба у Соколовцу у Румунији // *Исходишта*. 2020. 6. С. 93–108. DOI: 10.46630/ish.6.2020.7
- Ивић 2009 – *Ивић П.* Српски дијалекти и њихова класификација. Сремски-Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2009. 221 с.
- Лончар Раичевић 2020 – *Лончар Раичевић А.* Прозодијске особености српских говора у Румунији (Пољадија) // *Исходишта*. 2020. 6. С. 173–182. DOI: 10.46630/ish.6.2020.13
- Морозова 2018 – *Морозова М. С.* Выбор языка и переключение кодов в балканском полилоге (на примере билингвального сообщества Вeля-Гораны, Черногория) // *Балканский полилог: коммуникация в культурно-сложных сообществах: Материалы Круглого стола Центра лингвокультурных исследований Balcanica, посвященного памяти Вячеслава Всеволодовича Иванова, Москва, 3 апреля 2018 года. Москва: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 49–67. DOI 10.31168/2619-0842.2018.5.*
- Сикимић 2020 – *Сикимић Б.* Пољадија: живот у пограничју // *Исходишта*. 2020. 6. С. 381–397. DOI: 10.46630/ish.6.2020.27
- Судимац 2020 – *Судимац Н.* О неким фонетским особеностима српских говора у Румунији (Пољадија) // *Исходишта*. 2020. 6. С. 265–276. DOI: 10.46630/ish.6.2020.21
- Томић 1987 – *Томић М.* Говор Радимаца // *Српски дијалектолошки зборник XXXIII. Расправе и грађа / гл. ур. Павле Ивић. Београд, 1987. С. 307–474.*
- Ciplea 1963 – *Ciplea Gh.* Cantitatea vocalică în graiurile cehe din Banat // *Romanoslavica*. 1963. VII. P. 211–217.

- Daneš 1982 – *Daneš I.* Příspěvek k otázce adaptace a asimilace Čechů v rumunském Banátu (na základě výzkumu z let 1979–1980) // Český lid. 1982. Roč. 69, č. 1. S. 51–58.
- Gecse 2013 – *Gecse D.* Historie českých komunit v Rumunsku. Praha: Herrman & synové, 2013. 464 s.
- Jech 1992 – *Jech J., Secká M., Scheufler V., Skalníková O.* České vesnice v rumunském Banátě. Praha: Ústav pro etnografii a folkloristiku ČSAV, 1992. 204 s.
- Populația după etnie – Populația după etnie – macroregiuni, regiuni de dezvoltare, județe și categorii de localități. Rezultate definitive_RPL_2011. Volumul II: populația stabilă (rezidentă) – structura etnică și confesională // Recensământul 2011. Institutul Național de Statistică. http://www.recensamantromania.ro/wp-content/uploads/2015/05/vol2_t2.xls (дата обращения: 15.03.2024).
- Populația după limba maternă – Populația după limba maternă – macroregiuni, regiuni de dezvoltare, județe și categorii de localități. Rezultate definitive_RPL_2011. Volumul II: populația stabilă (rezidentă) – structura etnică și confesională // Recensământul 2011. Institutul Național de Statistică. http://www.recensamantromania.ro/wp-content/uploads/2015/05/vol2_t6.xls (дата обращения: 15.03.2024).
- Rozkoš 1996 – *Rozkoš P.* Contribuție la istoria colonizării „pemilor” în Banat // Analele Banatului. Serie nouă, Istorie. 1996. IV (2). P. 48–56.
- Utěšený 1962 – *Utěšený S.* O jazyce českých osad na jihu rumunského Banátu // Český lid. 1962. Roč. 49, č. 5. S. 201–209.
- Utěšený 1964 – *Utěšený S.* Z druhé výpravy za češtinou v rumunském Banátě // Český lid. 1964. Roč. 51, č. 1. S. 27–32.
- Varga 2008 – *Varga E. Á.* Krassó-Szörény megye településeinek etnikai (anyanyelvi / nemzetiségi) adatai 1880–2002. 2008. <https://web.archive.org/web/20230510095350/https://www.kia.hu/konyvtar/erdely/erd2002/csetn02.pdf> (дата обращения: 15.03.2024).
- Vrabie 1963 – *Vrabie E.* Privire asupra localităților cu graiuri slave din Republica Populară Română // Romanoslavica. 1963. VII. P. 75–85.
- Vyskočilová 2016 – *Vyskočilová K.* Czech language minority in the South-eastern Romanian Banat // International Journal of the Sociology of Language. 2016. Vol. 238. P. 145–167.
- Zsold, Lehel 2018 – *Zsold J. A., Lehel P.* Cehii din Banat. Cluj-Napoca: Editura Institutului pentru Studiarea Problemelor Minorităților Naționale, 2018. 325 p.

Czech Minority Community on the Serbian-Romanian Border: the Language Situation in Zlatița

Gleb P. Pilipenko

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
PhD (Philology), Senior Research Fellow

ORCID: 0000-0002-5422-0039

Department of Slavic Linguistics, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Leninsky Avenue, 32A,
Moscow, 119334, Russia
Tel.: +7(495)938-17-80
E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Sergej A. Borisov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
Junior Research Fellow

ORCID: 0000-0002-2321-9983

Department of Slavic Linguistics, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Leninsky Avenue, 32A,
Moscow, 119334, Russia
Tel.: +7(495)938-17-80
E-mail: s.borisov@inslav.ru

The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project No. 20-78-10030 Linguistic and cultural contacts in the context of social transformations among national minorities of the Alpine-Pannonian region.

DOI: 10.31168/2658-3356.2024.17

Abstract. This paper examines the linguistic situation in the Banat village of Zlatița, Romania, with a particular focus on the local Czech community. Despite being the third largest demographic group in the village, the Czechs of Zlatița have largely been overlooked by Czech linguists. The aim of this study is to assess the role of the Czech language in everyday communication and its presence in the linguistic landscape of the settlement. Based on their own field materials, the authors found that the Czechs in Zlatița are multilingual, speaking Czech, the official Romanian language, and Serbian, due to a significant Serbian

community in the area. Instances of code-switching and borrowing from Romanian and Serbian can be found in Czech narratives. Notably, the Czech language is not represented in the village's linguistic landscape, including inscriptions on administrative buildings and private businesses, with the exception of those found at the local cemetery. The epitaphs in the cemetery reflect the existing multilingual environment in Zlatița, showcasing examples of simultaneous interaction among Romanian, Czech, and Serbian. Future research will focus on a comprehensive analysis of the tombstone inscriptions in Zlatița's cemetery.

Keywords: *Czech language, Serbian language, Romanian language, Banat, language situation, field study, language contacts, epitaph, language landscape*

Reference for citation: Pilipenko G. P., and S. A. Borisov, 2024, Cheshskoe minoritarnoe soobshchestvo na serbsko-rumynskom pogranič'e: iazykovaia situatsiia v sele Zlatitsa [Czech Minority Community on the Serbian-Romanian Border: the Language Situation in Zlatița]. *Kul'tura Slavan i Kul'tura Evreev: Dialog, Shodstva, Razlicia* [Slavic & Jewish Cultures: Dialogue, Similarities, Differences], 334–354. DOI: 10.31168/2658-3356.2024.17

References

- Bogdanović, B., 2020, Običaji životnog ciklusa kod Srba u Rumuniji: svadba u selima Poljadije [Life cycle customs among Serbs in Romania: wedding in the villages of Poljadia]. *Ishodišta*, 6, 27–38. DOI: 10.46630/ish.6.2020.3.
- Borisov, S. A., 2021, Cheshskii iazyk i traditsionnaia kul'tura v polietnichnom okruzhenii (rezul'taty polevogo issledovaniia 2019 goda v Serbii, Rumynii, Bosnii i Gertsegovine) [Czech language and traditional culture in a multi-ethnic environment (results of a 2019 field study in Serbia, Romania, Bosnia and Herzegovina)]. *Slavianskii al'manakh*, 1–2, 290–309. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.02
- Borisov, S. A., and G. P. Pilipenko, 2020, Cheshsko-serbsko-rumynskije iazykovye kontakty v rumynskom Banate na materiale polevogo issledovaniia [Czech-Serbian-Romanian language contacts in the Romanian Banat based on field research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 459, 15–26. DOI: 10.17223/15617793/459/2
- Borisov, S. A., and G. P. Pilipenko, 2021a, Cheshsko-rumynskije iazykovye kontakty v rumynskom Banate (na primere dannykh polevogo issledovaniia) [Czech-Romanian language contacts in the Romanian Banat (based on field research data)]. *Slavica Slovaca*, 56 (1), 55–68. DOI: 10.31577/SlavSlov.2021.1.6

- Borisov, S. A., and G. P. Pilipenko, 2021b, Pemi/Pemci v rumynsko-serbskom okruženii: selo Zlatitsa v Banate [Pemi/Pemci in the Romanian-Serbian environment: the village of Zlatitsa in Banat]. *Strategii mezhbalkanskoj komunikatsii: Perevod. Pereskaz. Umolchanije* [Inter-Balkan communication strategies: Translation. Retelling. Silence], eds. I. A. Sedakova, M. M. Markartsev, and T. V. Tsiv'ian. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN, Indrik, 49–53. DOI: 10.31168/2618-8597.2021.16.07
- Ciplea, Gh., 1963, Cantitatea vocalică în graiurile cehe din Banat [Vowel quantity in the Czech dialects of the Banat]. *Romanoslavica*, VII, 211–217.
- Daneš, I., 1982, Příspěvek k otázce adaptace a asimilace Čechů v rumunském Banátu (na základě výzkumu z let 1979–1980) [Contribution to the issue of adaptation and assimilation of Czechs in the Romanian Banat (based on research from 1979–1980)]. *Český lid*, 69 (1), 51–58.
- Đorđević Belić, S., 2020, (Re)semantizacija Bogojavljenja na Neri u kontekstu percepcije pograničja [(Re)semanticization of the Epiphany on Nera in the context of border perception]. *Ishodišta*, 6, 61–91. DOI: 10.46630/ish.6.2020.6
- Gecse, D., 2013, *Historie českých komunit v Rumunsku* [History of Czech communities in Romania]. Praha, Herrman & synové, 464.
- Ivanović Barišić, M., 2020, Božić kod Srba u Sokolovcu u Rumuniji [Christmas among the Serbs in Sokolovac, Romania]. *Ishodišta*, 6, 93–108. DOI: 10.46630/ish.6.2020.7
- Ivić, P., 2009, *Srpski dijalekti i njihova klasifikacija*. Sremski-Karlovci; Novi Sad, Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 221.
- Jech, J., M. Secká, V. Scheufler, and O. Skalníková, eds., 1992, *České vesnice v rumunském Banátě*. Praha, Ústav pro etnografii a folkloristiku ČSAV, 204.
- Lončar Raičević, A., 2020, Prozodijske osobnosti srpskih govora u Rumuniji (Poljadija). *Ishodišta*, 6, 173–182. DOI: 10.46630/ish.6.2020.13
- Morozova, M. S., 2018, Vybor iazyka i perekliuchenije kodov v balkanskom poliloge (na primere bilingval'nogo soobshchestva Velia-Gorany, Chernogoriia) [Language selection and code switching in Balkan polylogue (on the example of the bilingual community of Velja Gorany, Montenegro)]. *Balkanskii polilog: kommunikatsiia v kul'turno-slozhnykh soobshchestvakh: Materialy Kruglogo stola Tsentra lingvokul'turnykh issledovaniu Balcanica, posviashchennogo pamiati Viacheslava Vsevolodovicha Ivanova, Moskva, 3 apreliia 2018 goda* [Balkan polylogue: communication in culturally complex communities: Materials of the Round Table of the Center for Linguocultural Research Balcanica, dedicated to the memory of Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov, Moscow, April 3, 2018.]. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN, 49–67. DOI 10.31168/2619-0842.2018.5

- Rozkoš, P., 1996, Contribuție la istoria colonizării “pemilor” în Banat [Contribution to the history of the colonization of the “Pems” in Banat]. *Analele Banatului. Serie nouă, Istorie* [Annals of the Banat. New series, History], IV (2), 48–56.
- Sikimić, B., 2020, Poljadija: život u pograničju [Poljadia: life on the border]. *Ishodišta*, 6, 381–397. DOI: 10.46630/ish.6.2020.27
- Sudimac, N., 2020, O nekim fonetskim osobenostima srpskih govora u Rumuniji (Poljadija) [On some phonetic peculiarities of Serbian languages in Romania (Poljadia)]. *Ishodišta*, 6, 265–276. DOI: 10.46630/ish.6.2020.21
- Tomić, M., 1987, *Govor Radimaca. Srpski dijalektološki zbornik XXXIII. Rasprave i građa* [Speech of Radimac. Serbian dialectological collection XXXIII. Discussions and materials], ed. P. Ivić, 307–474.
- Utěšený, S., 1962, O jazyce českých osad na jihu rumunského Banátu [About the language of the Czech settlements in the south of the Romanian Banat]. *Český lid*, 49 (5), 201–209.
- Utěšený, S., 1964, Z druhé výpravy za češtinou v rumunském Banátě [From the second expedition for the Czech language in the Romanian Banat]. *Český lid*, 51 (1), 27–32.
- Vrabie, E., 1963, Privire asupra localităților cu graiuri slave din Republica Populară Română [Look at the localities with Slavic languages in the Romanian People's Republic]. *Romanoslavica*, VII, 75–85.
- Vyskočilová, K., 2016, Czech language minority in the South-eastern Romanian Banat. *International Journal of the Sociology of Language*, 238, 145–167.
- Zsold, J.A., and P. Lehel, eds., 2018, *Cehii din Banat* [Czechs from Banat]. Cluj-Napoca, Editura Institutului pentru Studiarea Problemelor Minorităților Naționale, 325.